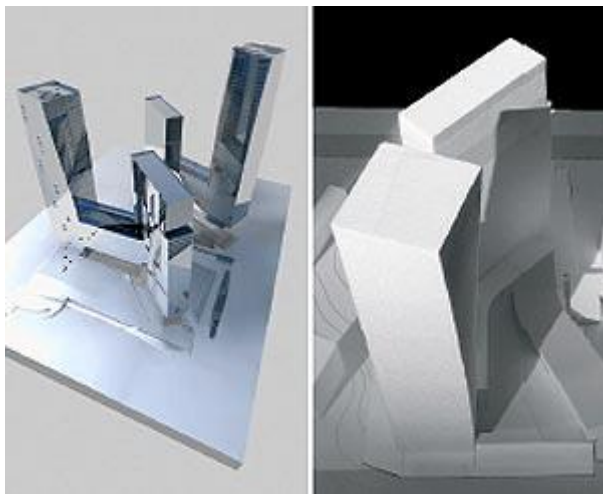

СПЕЦПРОЕКТ 5x50

Сергей Скуратов:
«Нужно слышать себя»
XV/XVI-ММV - 18.12.2005

Сергей Скуратов: У человека для архитектуры есть три вещи. Сердце, мозг и душа. Сердце – это орган чувственный, им ощущается красота. Мозг – интеллектуальный, это для истины. Душа – это ощущение нравственное. и вот задача – все это услышать и соединить. Художник всю жизнь что-то копит, внутри себя, и отдает. И мастерство – это умение правильно слышать внутри себя. И чем честнее, точнее, искреннее мы себя отдаем, тем больше получает архитектура.

Григорий Ревзин: *А откуда происходит накопление?*

Для меня это, наверное, три источника. Или четыре. Во-первых, просто профессиональное общение. Разговоры, друзья, обсуждения. Во-вторых, книги, журналы. Потом – все построенное. Здания, самые разные, и современные, и исторические. Ну и еще что-то непрофессиональное. Просто впечатления – фильмы, книги, мемуары.

Значит, вы полагаете возможным учиться у современной архитектуры? У ваших современников?

Хорошей современной архитектуры очень мало. Даже на Западе, я уж не говорю – у нас. У нас вообще, на мой взгляд, нет никакой хорошей архитектуры. Я имею в виду – в последние десять-пятнадцать лет. Нет ни одного дома, который можно было бы считать удавшимся. Есть компромиссные, более удачные, менее, но такого, чтобы можно было сказать – памятник, – нет. Ни одного. И это проблема, нет планки, от которой можно вести отсчет. Я скорее все-таки пытаюсь соизмерять себя с историей.

Рим, Флоренция, Сиена – вот это настоящее. Это очень много дает, это действительно нужно в себя впитать. Ты просто понимаешь, что такое стена, что такое камень.

Многоэтажный жилой комплекс с развитой инфраструктурой и подземной автостоянкой (1-я очередь) (Москва, ЗАО, ул. Пырьева, вл.2)

Архитекторы: С. Скуратов (руководитель авт. коллектива), С. Некрасов (ГАП), Ю. Ковалева, Т. Груздева, И. Ильин, П. Карповский (ООО «Сергей Скуратов Architects»)

2004–2005

А из русской архитектуры что вам нравится? Конструктивизм?

Как ни странно, я не очень люблю русский конструктивизм. Он мне ничего не дал. Не знаю, почему так. Он для меня какой-то слишком рабоче-крестьянский, что ли. Какой-то весь по ранжиру. Они изобретали новую форму для всеобщего употребления. Мне не нужна форма для всеобщего употребления, я терпеть не могу – как все. Я даже дышать не хочу как все.

А западный авангард от этого отличается? Они же тоже изобретали машины для жилья?

Корбюзье мне очень много дал. Но не ранний, не жилая единица, не машина для жилья. Почему жилье – это машина? Жилье – это дворец. Это скульптура. Скорее хорошая машина – это скульптура. Для меня Корбюзье – это роншанская капелла. Вот это – неповторимое пространство, неповторимый опыт. Вот это – искусство. И оно выражает только его.

Обычно русские архитекторы, которые, как вы, работают в современных формах, обращаются к конструктивизму в порядке, так сказать, национальной самоидентификации. Конструктивизм тут оказывается как бы вариантом русского стиля. Для вас это важно?

Для меня вообще не важна эта национальная тема. У меня почему-то, как правило, еврейские заказчики, таджикские строители, а квартиры покупают люди всех национальностей – какая же тут может быть архитектура, кроме русской? Я здесь живу, я здесь строю – как это может получиться не русская архитектура? Я не понимаю, зачем нужно специально об этом думать. Есть я – этого достаточно, чтобы получилась русская архитектура.

То есть для вас архитектура – это самовыражение мастера? Как картина? Не выражение места, функции, денег, социума – но именно мастера? Самого себя?

Да, в конечном счете – так. Мы, конечно, приходим не в пустоту. Есть конкретное место, время, заказчик. Ну, как врач приходит к конкретному больному с конкретной болезнью, и должен его лечить. Обязан, давал клятву Гиппократу. Но вопрос в том, чем лечить. Архитектура – это искусство. Лечить можно только собой. По-моему, любой человек должен в какой-то момент сказать себе, зачем ты работаешь на этом месте. И тут неправильно отвечать, что просто ничего другого делать не умеешь. И если меня спросить, почему ты это делаешь, я скажу – потому что я это обожаю. Я обожаю из ничего делать что-то. Когда из пустоты, из ничего рождается дом. Я это просто люблю.

Но само это рождение для вас – акт искусства? А как же функция, современные материалы, экономика, согласования? Этого ничего нет?

Я не знаю, что здесь обсуждать. Все это само собою разумеется. Да, конечно, я понимаю, как здание будет работать, и функционально, и экономически. Я понимаю, как оно будет построено. Я очень хорошо знаю строительные приемы, я уже десять домов построил, сегодня я учу строителей, как нужно делать. И они меня очень боятся, потому что если они халтурят, я заставляю ломать. Мои здания должны стоять долго. Да, я испытываю удовольствие от материалов, фактур, поверхностей. Сочетание мореного канадского дуба с бельгийским кирпичом способно принести настоящее удовольствие. Но я все это знаю сразу, изнутри, это нечего обсуждать. Может быть, это нужно обсуждать внутри мастерской, с архитекторами, которые у меня работают, чтобы они адекватно воплощали мои идеи. Но тут нет творческих тем, это просто грамотность. Ты же не будешь спрашивать дизайнера «Феррари», нормально ли у него работает бензонасос? Он просто обидится и уйдет.

То есть архитектура рождается не из этого?

Архитектура рождается из влечения к месту – твоего влечения. Оно может быть разным, теплым, холодным, страстным, скрытым – но влечением. Нужно нащупать правильную конфигурацию этого места. Вот из чего рождается архитектура. Нужно понимать, что решение на самом деле – в метафизическом смысле – только одно. В каком-то смысле это место уже знает, как оно должно выглядеть, ты должен просто раскрыть это решение. Оно одно – правильное, остальные – ложные ходы.

Но ведь тогда это не вы, это место знает, как оно должно выглядеть?

Но ведь это я туда пришел. Если бы пришел кто-то другой, я не знаю, что бы было. Но пришел-то я. И поэтому может быть только одно решение. Это какой-то перекресток судьбы, квинтэссенция существования, когда ты соединился с местом. по-моему, это не может быть случайно. После этого можно рисовать.

Вы рисунками думаете?

Нет, до рисунка должно быть нечто. Нечто должно там, внутри тебя, вырасти. Это не законченный образ, не готовое решение, это какой-то импульс – он должен появиться. Его потом и нужно слушать. Я иногда неделями хожу вокруг места, смотрю, думаю и ничего не рисую. А потом появляется, и тогда идут рисунки.

Но ваши рисунки выглядят именно спонтанными идеями, импульсами.

Да. Когда я не умел творить как архитектор, творил как художник. Я делал сотни акварелей. Я с детства рисую. Но сегодня для меня рисунок – это не законченная художественная ценность, это этап в становлении образа. В рисунке находится общая идея, ход, вспышка.

А рисунок как способ эстетической проверки? Ну, я не знаю, масс, пропорций, как все это легло на бумагу?

Нет, это все ищется в моделях. Для меня рисунок – не способ проверки, в нем нет для меня нужной дистанции. Это слишком мое, слишком интимное дело.